

Сафонов А.А.,
*д.ю.н., доцент, профессор кафедры
теории права и сравнительного правоведения
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРОГРАММАХ ПРАВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» положил начало институционализации и легализации политических партий, а также предложил вниманию партийных организаций проблему реформирования религиозного законодательства в духе провозглашенной свободы совести. С началом деятельности Государственной думы программные положения ведущих политических партий по вопросам религиозной свободы обретали форму законопроектов, обсуждались на заседаниях думских фракций и комиссий.

Из многочисленных классификаций политических партий царской России возьмем за основу наиболее распространенную в современной исторической науке, согласно которой партии разделялись на три крупных блока, представлявших основные направления общественно-политической мысли: правое (консервативно-монархическое), либеральное и социалистическое. Входящие в указанные блоки партийные организации, несмотря на ряд идейных расхождений, объединяла общность позиций по ключевым вопросам российской действительности.

К блоку правых партий, реально участвовавших в политическом процессе, следует отнести Союз Русского народа (далее – СРН), Русский народный Союз имени Михаила Архангела (далее – Союз Михаила Архангела) и Всероссийский национальный союз (далее – ВНС) – политическая организации так называемых «умеренно правых», в отличие от более радикально настроенных СРН и Союза Михаила Архангела.

Особый вес и влияние правомонархическому движению придавало участие в нем иерархов Русской православной церкви (далее – РПЦ). Так, почетными и действительными председателями отделов СРН – наиболее многочисленной и влиятельной в идейно-политическом плане правомонархической организации – являлись два митрополита, девять

архиепископов и епископов¹. Девизом Союза был призыв «За Веру, Царя и Отечество».

Православной церкви идеологи монархизма отводили первенствующее положение в империи, определяя ее как важнейшее структурное звено государственной системы, руководительницу духовной жизни народа, залог неизблемости и прочности самодержавия. «Союз русского народа исповедует, – отмечалось в п.1 его программы, – что Русское государство связано неразрывно и жизненно с Православной Церковью и поэтому она, единая истинная, апостольская и отеческая Христова Церковь, должна... сохранить в России свое исконное господствующее положение. ... Ей одной должно принадлежать право и свобода проповедования всем народам, населяющим Русское государство». «Самодержавие Русского Царя всегда должно быть Православным, – указывалось далее в программе, – точно в таком же церковном единении с народом должно быть и Царское Правительство и поэтому оно должно быть непременно православным и коренным русским»². В пользу закрепления за Православной церковью первенствующего в империи положения высказывался и Союз Михаила Архангела – более умеренная организация правых, возникшая в марте 1908 г. под руководством В.М. Пуришкевича в результате раскола СРН³.

В отстаиваемой правыми иерархии вероисповеданий и народностей первенствующее положение принадлежало православному христианству и русскому народу. К последнему причислялось все проживавшее в империи славянское население (великороссы, белорусы, малороссы и червонорусы⁴). «Русский народ должен как в центре своего Отечества, так и на его окраинах чувствовать себя хозяином, – было записано в программе Русской монархической партии, образованной в апреле 1905 г. вокруг газеты «Московские ведомости» под председательством В.А. Грингмута, – Где бы ни находился Русский человек в России, всюду он должен иметь возможность молиться в благолепном русском Православном храме, подчиняться только русским законам, изданным Самодержавным Русским Царем»⁵.

Еще дальше шли идеологи СРН, указывавшие, что «русская народность, как собирательница земли Русской и устроительница Русского

¹ Репников А.В. Консервативная модель // Модели общественного переустройства России. XX век /Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 2004. С. 171.

² Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. – М., 2002. С. 40.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 35.

государства, есть народность державная, господствующая и первенствующая и что только ей одной под Верховной властью своего неограниченного Самодержавного Русского Царя принадлежит право государственного строения и управления». Видя выход из революционного кризиса в возвращении к традициям допетровской России, выступая за созыв Земского собора либо Государственной думы, СРН трактовал избирательные права как исключительную привилегию русских людей; инославные и нехристианские народности должны были присутствовать в выборных органах «на правах челобитчиков». Только русские и православные наделялись исключительным правом на государственную службу и преподавание в правительственной школе на территории Российской империи. В «коренных русских областях» (к ним принадлежала вся территория империи, за исключением Финляндии, Польши, Прибалтики, Закавказья и Средней Азии) им принадлежало также исключительное право на службу на уровне общественного самоуправления – земского и городского, право быть присяжными заседателями и сословными представителями в судебных органах. На территории империи русские должны были также иметь исключительное право на приобретение и аренду земли (исключая частновладельческую), заселение свободных территорий, разработку полезных ископаемых, занятие охотой и рыболовством. Русские наделялись преимущественным правом на приобретение и аренду городской земельной собственности, занятие торгово-промышленной деятельностью, на ловлю морских животных и рыб в водах, принадлежащих России.⁶

По отношению к инославным и иноверным конфессиям провозглашалась веротерпимость: признавалось право на свободное отправление их обрядов и религиозной жизни в Российской империи, однако пропаганда вероучений им запрещалась, оставаясь привилегией РПЦ⁷. «Иногородцы» подразделялись на «дружественные» и «недружественные» русскому народу; критерием при этом служило участие представителей этих народов в революционном и национальном движении. В зависимости от места в иерархии тому или иному народу предоставлялись льготы и привилегии или, напротив, вводились ограничения в правах.

Равными русским, «своими верными и добрыми соседями, друзьями и сородичами» провозглашались нерусские народности, «имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа».⁸ Из иноверцев деятели Союза русского народа выражали особое благорасположение к мусульманам. Печатные издания правых партий

⁶ Там же. С. 40-41.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 42.

констатировали, что революционные проявления в мусульманской среде осуждались мусульманским духовенством. В проекте устава СРН было заявлено, что «членам мусульманских отделов при СРН предоставляются все гражданские права наравне с русскими православными людьми»⁹.

СРН имел сторонников в старообрядческой среде и со своей стороны оказывал поддержку старообрядцам, в лице которых видел охранителей традиционных начал и принципов русской жизни, культуры и благочестия. В 1906 г. под руководством черносотенца Ф.Г. Колонтаева был образован консервативно-монархический «Союз старообрядцев». Лидер беглопоповцев Н.А. Бугров финансировал нижегородскую черносотенную газету «Минин» и неизменно пользовался поддержкой СРН на выборах в Государственную думу. Ревнителю старой веры составляли подавляющую часть членов некоторых отделов СРН, в уставе которой предусматривалось, что РПЦ должна состоять из православных, единоверцев и воссоединенных с ними на одинаковых правах старообрядцев.¹⁰

Дискриминации подвергались народности, которые, по мнению идеологов правых, желали умаления значения и «государственной мощи» России. Деятели Союза Михаила Архангела причисляли к ним покоренных русским оружием обитателей Кавказа, прежде всего армян, а также поляков и евреев. Опыт деятельности представителей этих народов в Государственной думе I и II созывов еще более убеждал правых в их неспособности «проникаться чувством Русской Государственности»¹¹. Для представителей этих народностей проектировались ограничения в политических, гражданских и имущественных правах. Так, в программе СРН иноверцам и инородцам, враждебным русскому народу, запрещалось на территории коренной России: «а) состоять на государственной и общественной службе, а также в сухопутных и морских войсках, в звании присяжных поверенных, докторов и инженеров; б) служить на железных дорогах, в морских и речных предприятиях и на телефонных и почтовых станциях; в) содержать христианские училища и учительствовать; г) издавать и продавать книги и периодические издания; д) содержать типографии, литографии и т.п.; е) заниматься врачебным, больничным и аптекарским делом; ж) держать православную

⁹ Программы политических партий России. Конец XIX-XX вв. – М., 1995. С. 445.

¹⁰ Селезнев Ф.А. Старообрядческая буржуазия и политические партии в революции 1905-1907 годов // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М., 2005. С. 182; Степанов С.А. Илиодор (С.М. Труфанов) // Политическая история России в партиях и лицах. – М., 1993. Вып.1. С. 348.

¹¹ Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России... С. 44.

прислугу; 3) учреждать и держать кредитные учреждения и ссудные кассы.... л) владеть, приобретать и арендовать недвижимую собственность»¹².

На позицию правых в национальном и вероисповедном вопросах оказали воздействие выборы в Государственную думу I созыва, в которых участвовало и нерусское население окраин. Традиционный лозунг русских националистов «Россия для русских» мог придать им популярности далеко не во всех регионах империи. В предвыборной программе, принятой в сентябре 1906 г., лидеры СРН отказались от своих требований привилегий исключительно для русского населения. Было подчеркнуто, что все народы России, за исключением евреев, должны пользоваться равными правами.

Вместе с тем антиеврейские лозунги тогда были расширены и детализованы. В тексте избирательной платформы при выборах в Государственную думу II созыва идеологи СРН именовали евреев «человеконенавистниками», людьми, высказывавшими непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, допускавшими в отношении христиан всякие беззакония и насилия вплоть до убийства¹³. Союз добивался неукоснительного исполнения ограничительного законодательства в отношении евреев: сохранения «черты еврейской оседлости», лишения евреев всех политических, гражданских и имущественных прав. Ужесточение российского законодательства в отношении евреев рассматривалось как стимул для принудительной еврейской эмиграции. Программа СРН провозглашала поддержку сионизма.¹⁴

Идеология российского национализма была детально проработана и в программе ВНС – крупнейшей политической организации периода третьей июньской монархии и одного из главных политических союзников П.А. Столыпина в Государственной думе III созыва, а также в речах и выступлениях идеологов ВНС П.Н. Балашева, М.О. Меншикова, А.И. Савенко, П.И. Ковалевского и др.

Как идейно-политическое направление, занимавшее пограничные позиции между правыми монархистами (СРН, Союз Михаила Архангела) и либеральными консерваторами (Союз 17 октября), ВНС отличало стремление к симбиозу либеральных и консервативных принципов, что зачастую предопределяло противоречивость их воззрений по конфессиональным вопросам. ВНС в одном и том же пункте своей программы признавал «свободу веры» и, в тоже время, ограничивал ее отождествлением Российской империи с христианским государством, в котором должны быть

¹² Там же. С. 42.

¹³ Программы политических партий России. Конец XIX-XX вв. С. 449.

¹⁴ Права и свободы человека в программных документах основных политических партий... С. 39; Тютюкин С.В. Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях в начале XX века. С. 118.

сохранены «установленные преимущества православной церкви»¹⁵. В тех политических условиях указанное положение означало признание иерархии и правового неравенства конфессий в империи.

Причисляя себя к сторонникам свободы вероисповедания и правового равноправия граждан, лидеры ВНС пытались примирить эти принципы со своими постулатами о государственном статусе РПЦ и политическом господстве русского народа. Это порождало дифференцированный подход к вероисповедной свободе, трактуемой с позиций соображений политической целесообразности, степени общественной пользы того или иного исповедания и верования, учений о христианском государстве, союза Российского государства и РПЦ. «Националисты провозглашают начало небезграничной свободы веры»¹⁶, – пояснял позицию ВНС один из лидеров его думской фракции Л.В. Половцов. Как указывал лидер ВНС и Фракции умеренно-правых в III Думе П.Н. Балашев: «Свобода вероисповеданий должна быть проведена в жизнь, и все законопроекты, касающиеся этой свободы, будут поддержаны фракцией. Но совершенно другое дело, когда под видом законопроектов о свободе вероисповеданий будут предложены законопроекты, преследующие не идейные, а политические интересы, законопроекты, в которых сепаратические цели преобладают над религиозными – в таких случаях фракция умеренно-правых будет голосовать... против их принятия»¹⁷. «Все религии в России имеют право на исповедание и проповедь в пределах своей церкви, – замечал П.И. Ковалевский, – если эти религии не являются вредными для человечества и государства»¹⁸.

Политические и «светские» аргументы превалировали у националистов над религиозными и при определении ими приоритетов церковной политики государства. Православие объявлялось ими национальной религией, соответствующей духу и характеру славянства так же, как католицизм присущ латинским народам, а протестантизм – немцам, способствовавшей сохранению русских национально-государственных начал. К достоинствам Православия причислялись отсутствие у него светских политических амбиций и его большая либеральность в сравнении с инославными исповеданиями.¹⁹

Из понимания Православия как национальной религии русского народа, скрепившей русскую нацию духовно в прошлом и обеспечивавшей идейно-духовную целостность Российского государства в настоящем,

¹⁵ Права и свободы человека в программных документах основных политических партий... С. 45.

¹⁶ Националисты в III Государственной думе. – СПб., 1912. С. 176.

¹⁷ Новое время. 1909. 4 февраля.

¹⁸ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание. – СПб., 1912. С. 239.

¹⁹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М., 2001. С. 398-401.

националисты выводили тезис о преимуществах РПЦ в империи как религии государственной. Главными из них являлись монополия РПЦ на публичную проповедь и миссионерство. Инославным и иноверным вероучениям ВНС отказывал в праве публичной проповеди. Декларируя свою приверженность платформе Указа 17 апреля 1905 г., он выступал сторонником запрета легализации перехода из христианства в нехристианское вероисповедание, которая узаконила бы принцип религиозного безразличия государства, равноправности и равноценности христианских вероучений с нехристианскими.²⁰

Свои воззрения члены ВНС пытались обосновать и исторической традицией. Как вспоминал входивший в состав Главного совета ВНС и являвшийся председателем вероисповедной комиссии в III Думе архиепископ Холмский Евлогий (Георгиевский): «Свобода вероисповедания была веками в России ограничена. Переход из православия в другое исповедание считался уголовным преступлением. Сдать позицию без всяких условий казалось недальновидным... Я на опыте в Холмском крае узнал, что означает безусловная свобода веры, когда не приняты во внимание ни психология инославных, ни реальная обстановка, в которой сталкиваются люди разных вероисповеданий. Не будучи принципиальным противником «свободы», я стоял за постепенность. Этот путь постепенности был намечен Столыпиным; он хотел дать «свободу совести», но не хотел давать свободы религиозной пропаганды, т.е. дать внутреннюю свободу, но ограничить право агитации в пользу того или иного исповедания. ... Может быть, и не надо было цепляться за старые позиции – бояться пропаганды, но мы, увы, тогда еще не знали, что придут безбожные агитаторы, которые будут кощунствовать и вытравлять самое понятие Бога из русских душ»²¹.

Выдвигая в качестве программного лозунга защиту интересов Православия в центре и на окраинах Российской империи, деятели ВНС тем не менее были далеки от идеализации РПЦ, констатировали ее неблагоприятное состояние. Критическому анализу подвергалась деятельность Святейшего Синода, являвшегося, по мнению идеологов ВНС, средоточием бюрократизма, препятствующего полноценному осуществлению РПЦ ее высоких религиозной и национально-государственной миссий. Вызывало недовольство и растущее административное вмешательство во внутрицерковную жизнь. Националисты высказывались за реформирование РПЦ на канонических принципах, за возвращение ее к «староканоническому» строю допетров-

²⁰ Там же. С. 409.

²¹ Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания. – М., 1994. С. 176-177.

ской Руси, за восстановление патриаршества, за укрепление соборного начала в церковной жизни, за «оживление» православного прихода.²²

Суть взаимоотношений государства и РПЦ, по мнению идеологов ВНС, должна была заключаться в их добровольном взаимодействии при полном невмешательстве во внутренние дела друг друга. Между тем, как справедливо указывает исследователь национализма Д.А. Коцюбинский, и в этой части религиозно-церковной доктрины идеология ВНС была противоречивой: «С одной стороны, русскими националистами декларировалось полное невмешательство государства во внутренние дела РПЦ, – с другой стороны, на РПЦ налагалась обязанность обслуживать политические нужды государства, а на государство, в свою очередь, – обязанность оказывать православному духовенству материальную помощь»²³.

Основывая свои суждения о государственно-привилегированном статусе РПЦ на тезисе об укорененности православной церковности в русском национальном сознании, националисты, тем не менее, выражали серьезные опасения относительно приверженности большинства русского народа православной традиции, подчеркивали опасность распространения в его среде конкурирующих вероучений. Конкурентами РПЦ считались в первую очередь инославные конфессии. Так, по словам А.И. Савенко, и лишенный иерархического устройства протестантизм и сложно иерархически организованное католичество оказывались более энергичными и близкими к нуждам простого народа, чем обюрократившееся православие²⁴. Ввиду этого ВНС выступал с лозунгом противодействия «инославной экспансии»: возвращения в лоно РПЦ униатов, пресечения роста симпатий к католицизму в великосветской среде и др.

На вторые позиции после РПЦ в Российской империи лидеры ВНС ставили религиозную общину старообрядцев, сумевшую сохранить исконно русские национальные чувства, традиции, бытовой уклад жизни народа. Старообрядцам предлагалось даровать права не меньшие, чем теми, которыми обладали католики и протестанты. Обращаясь к думской фракции националистов с призывом принять все меры к выработке законов, обеспечивающих старообрядцам беспрепятственное отправление их религиозных обрядов, Московский отдел ВНС предлагал предоставить старообрядцам наибольшие преимущества перед остальными вероучениями.²⁵ Между тем первенствующую

²² Коцюбинский Д.А. Указ. соч. С. 410-416.

²³ Там же. С. 424-425.

²⁴ Киевлянин. 1910. 1 июля.

²⁵ Пожелания Московского отдела Всероссийского национального союза по предметам думской деятельности фракции националистов. Объяснительная записка. – М., 1914. С. 3.

щее и господствующее положение РПЦ не оспаривалось. Отношение ВНС к православному сектантству, а также к баптизму было негативным.

Конфессиональный вопрос был тесно увязан в программах правых партий с вопросом национальным. Подход политиков консервативно-монархического направления к решению национального вопроса характеризовался стремлением сохранить существующее унитарное государственное устройство, первенство и господство русской нации и РПЦ. Они являлись сторонниками единой и неделимой России, отвергая идею предоставления национальным регионам какого-либо самоопределения. В теории и на практике правые боролись как с либералами, выступавшими за предоставление каждой нации, населяющей Россию, культурно-национальной автономии (право обучения на родном языке, употребления его наряду с государственным русским языком, выделение ассигнований на развитие национальной культуры и др.), так и с социалистами, выдвигавшими лозунги федерализма и дарования народам права национального самоопределения вплоть до политического отделения от России. Воззрения своих идейных соперников об изменении формы государственного устройства правые трактовали как предательство национальных интересов России.²⁶

Таким образом, идеи унитарного и конфессионального государства представляли в программах правых организаций единым целым. Рассматривая РПЦ как важнейший консолидирующий социальный институт, они выступали последовательными критиками его ослабления и отступления от его канонов, однако не исключали возможности его реформирования в неоконсервативном духе.

²⁶ Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века... С.101.